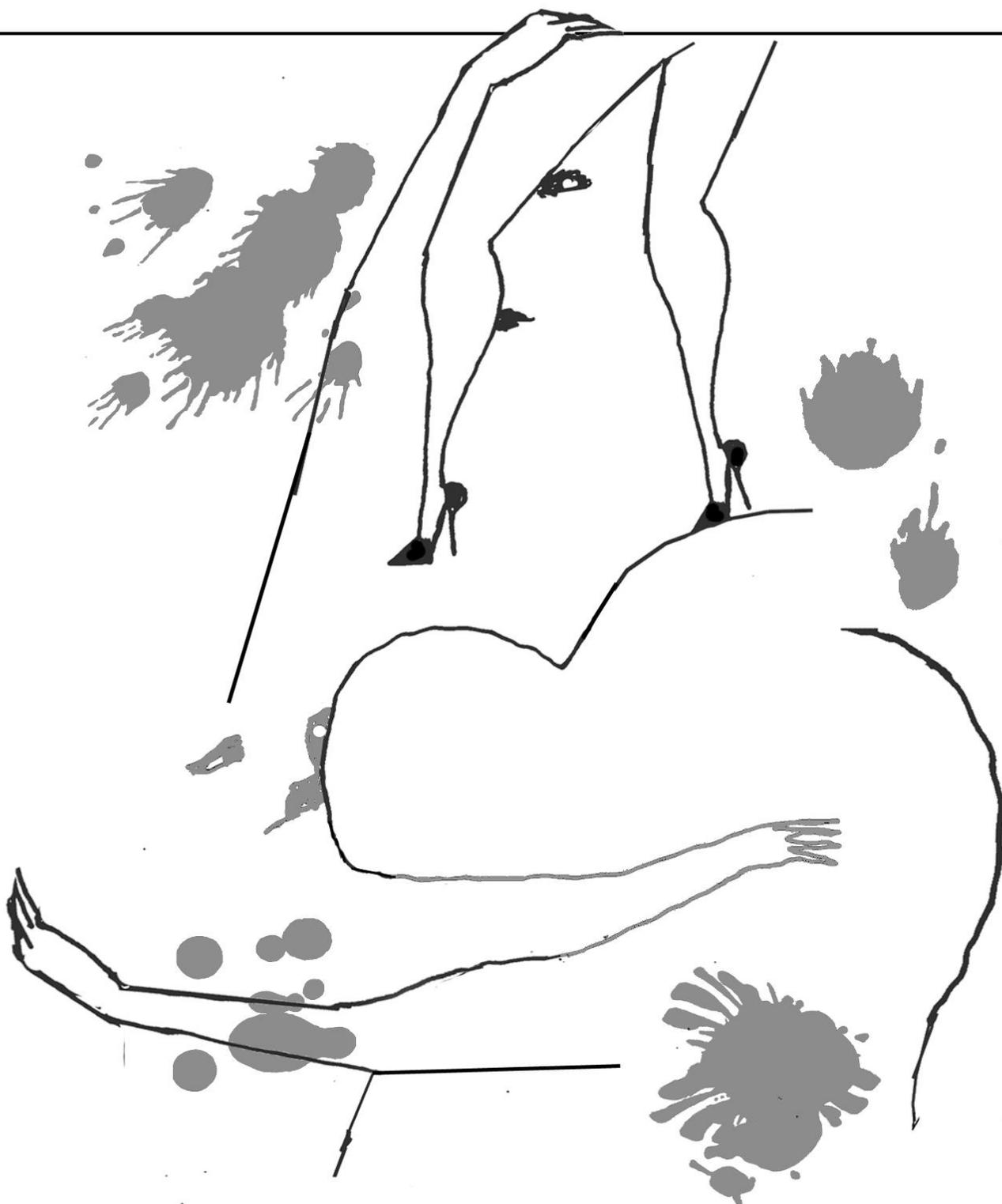

METACRABDI

Семен Грила

Метастазы

Среди безумных сам становишься безумным и, более того, начинаешь находить в безумии некую прелесть.

Генрик Сенкевич

Эпизод первый

Волынцева танцевала. Она всегда танцевала: в детстве – в кружке хореографии, куда ее возила бабушка на троллейбусе, а затем на вечеринках у друзей и знакомых. Потом уже в своем воображении.

Последний вариант ей нравился больше всех, ибо предполагал неограниченный выбор кавалеров. Танцоров она привлекала из

фильмов, телевизоров, коллег и просто прохожих. Она все решала сама.

Жила, как вы понимаете, одна, с двумя кошками. Варила борщи и делала котлеты. Вообще, кулинарный репертуар становился все разнообразнее и качество исполняемых блюд все выше.

Она кормила всех, кто подвертывался в этот момент под руку: киргизов, которые делали ремонт, доставщиков продуктов, родственников, приехавших издалека, коллег по работе, заглянувших по приглашению. Да, конечно, ветеринаров и так далее.

Стремительно разрастающаяся слава в узких кругах делала ее интересным собеседником, а также компаньоном для выхода в свет.

Она с детства обожала театр – и теперь одиночество и деньги позволили ей ни в чем себя не ограничивать. В выборе репертуара, хороших мест и поездок в театры в других городах. Она смотрела и все премьеры, и задержавшиеся в репертуаре спектакли 70-х годов. Имела свое крепкое суждение, вкус и непоколебимую уверенность в своей правоте, поскольку была чиновником потомственным, таких теперь не делают.

Эпизод второй

В тот день все было, как всегда. Она была на работе, когда все и началось. Собирались ехать в конце недели на «Жизель» в Петербург. Позвонила приятельница, одна из участниц мероприятия, и спросила, не хочет ли она днем посетить лекцию некой местной интеллектуалки, преподавательницы университета – ну как-то надо повышать уровень. Наша ей на это ответила, смеясь:

– Куда уж дальше повышать? С кем общаться?

Но легко согласилась.

День вернулся в русло, когда позвонил доктор Нахабцев и сказал, что пришли результаты анализов и надо обсудить. Она

предложила следующую неделю, ибо поездка и все такое. Он в ответ настоял на встрече в конце дня. Протокол обязывает, как он выразился.

Волынцева отчего-то занервничала. Наорала на заглянувшего сотрудника. Позвонила в приемную и предупредила, что уедет.

– Конечно, – ответили оттуда. Ее уважали.

Доктор Нахабцев посмотрел на нее и сказал:

– У вас рак.

Они помолчали.

Волынцеву обдало сначала жаром, потом холодом, потом наступило оцепенение.

– Что? – переспросила она.

– Рак, – сказал он. – Но все управляемо, у нас масса времени и возможностей.

Эпизод третий

По дороге от доктора она вспомнила фильм с Джонни Деппом, который смотрела когда-то. Ему вот так же объявили, и он ударился во все тяжкие после недолгого замешательства и приступа жалости к себе.

«А мне что делать? – тоскливо думала Волынцева. – Нажраться? Тупо. Лучше я поеду домой и сделаю что-нибудь эдакое. И не просто эдакое, а блюд этак пять. Все, что люблю, и наемся. Потом поплюю, а потом уже буду страдать».

Она позвонила на работу и сказала, что не вернется.

– Конечно, – ответили на работе.

Вот им все равно, что со мной. Или нет? Да хрен с ними.

Дома она сделала солянку, котлеты, селедку под шубой, испекла пирог с брусникой и что-то еще, наверное, сделала. А, ну конечно: салат оливье. Она сидела, пила вино, смотрела на стол и сказала:

– Ну, с Новым годом, блядь!

И тут все было настоящее, даже слова. Все натуральное, сделанное руками, материальное. Помолчала. Поставила «Болеро» Равеля, представила танцора. Доктора Нахабцева. Стало весело.

Рак. Вспомнила она. Рак. Рак. Рак.

Представила себя исхудавшую, лысую, грустную, с потухшим взглядом.

Нет, только не это. Рок. Рок. Рок.

А что?

Она решила ничего не менять, жить как жила, просто жить – и все. Каждый день. Просто жить.

Эпизод четвертый

В Петербурге было холодно. На лекции тепло, седая тетка говорила о связи мироздания и религии, сознания и космоса. Очень похожа на ту старушку, про которую рассказывал когда-то Бертран Рассел. Эта старушка подошла к Расселу и сказала: «Ну вот это всё, Земля, стоит на слонах, а те на черепахах». «А потом-то что, после черепах?» – спросил ее человек, видевший Ленина. «А, – ответила старушка, – вы меня не обманете – там черепахи до самого низа».

Потом были вопросы. Волынцева спросила, осознает ли человек, что болен, и почему не осознает, ведь это самое важное в сознании, и в подсознании, и в чем там еще.

Ученая дама сообщила, что информация быстрее интуиции, поэтому человек часто опаздывает.

– И потом, – продолжила она, – ну вы бы осознали вовремя, а лекарства нет. В чем польза осознания?

– Жизнь, – ответила ей Волынцева.

Подруга посмотрела на нее с недоумением.

Лекторша промолчала, пожевала губами и пожелала Волынцевой всего наилучшего.

«Я как Бертран Рассел», – подумала Волынцева, взяла свою маленькую подружку Нонну под руку, и они, возглавляя процессию, отправились в оперу. Ну и что, что это был балет.

В понедельник она рассказывала сослуживцам про поездку в Петербург, про впечатления и ловила себя на ощущении, что ничего не чувствует. Чувства поменялись. Все стало пластиковым, ненастоящим, даже звуки. Они как будто шли не напрямую. «Надо же как меня шарахнуло», – подумала Волынцева.

Эпизод пятый

Прошло месяца три. Волынцева вполне адаптировалась, одомашнила проблему, включила ее в свою обычную жизнь, и рак стал обычным явлением. Как все прочие. Она увлеклась самбой или чем-то таким же. Стала ходить на занятия. Танцевала до упаду, поправилась, освоила новые блюда, привлекла новых едоков ее гастрономии, и все как-то шло хорошо.

Однажды ужинала со старым другом, тем самым, который не любил ее стряпню, – бывают и такие! Они сидели в его любимом ресторане, она ела, терпела и хвалила. И вдруг он сказал: «Метастазы». Применил он это слово, описывая состояние общества, ибо был культурологом или кинокритиком, черт их теперь разберет, столько специализаций.

– Метастазы, – говорил он, – проникают незримо, бессимптомно в институты общества и убивают их ласково, не больно. И общество

не понимает причину своей болезни или гибели. Хворают, хворают – и непонятно отчего.

И долго еще говорил про Рим, он был образованный очень.

«Метастазы» – эхо долго билось у нее в мозгу. Что говорил доктор Нахабцев про метастазы? Она не помнила. Погрустнела.

Петр Эдуардович, ее собеседник, так его звали, продолжал красиво рассказывать, как он ездил недавно в Зальцбург на фестиваль, а она была уже далеко.

Метастазы. Вот. Она чего-то неправильно поняла, что ли?

Ужин закончился, друг был мил, отвез домой, проводил, поднялся и уехал. Прощаясь, спросил:

– У тебя все хорошо? Ты какая-то странная.

– Да-да, спасибо, все отлично, было много работы, – отбилась она и закрыла дверь.

Эпизод шестой

– Да, моя дорогая, метастазы, – доктор Нахабцев по-прежнему, как и раньше, молодой, розовощекий нахал, теперь раздражал Волынцеву страшно. – Метастазы. Об этом мы и будем говорить, для этого делали зондирование тела, МРТ всякие. Так вот, метастазы есть, немного, но есть, и поэтому надо планировать радиотерапию. Месяца на два снизить рабочий график, лучше вообще взять отпуск.

– И что дальше? – спросила она

– Будем делать, потом смотреть на результаты.

– Какова вероятность, что это пройдет? Хотя бы остановится.

– Ну, в нас всегда одна и та же вероятность: либо да, либо нет, – сказал он. И добавил: – Нервничать не стоит. Еще много ступеней защиты – например химиотерапия. При удачном стечении помогает.

Или вот иммунотерапия делает большие успехи. Впрочем, об этом рано.

Ей было нехорошо.

– Я пришлю график, – сказал доктор. – При следующей встрече согласуем. Мой совет – не тянуть с процедурой.

– Хорошо, – сказала она, – присылайте.

Выйдя, она едва не упала под небывалым нажимом панической атаки.

Она позвонила на работу, сказала, что сегодня не придет.

– Конечно, – ответили там.

Она поехала на ипподром. Ни разу в жизни не была там. Никого не знала. Просто смотрела на людей. Живых. Со страстями и нуждами. И ей не полегчало. «Так и с ума сойти недолго», – подумала Волынцева и снова не заплакала.

Эпизод седьмой

В следующие недели она много встречалась с людьми, которых знала, как ей казалось, хорошо. Она смотрела на них другими глазами. Как будто рак убрал все лишнее. Он стер неглавное. Одних отсутствие неглавного меняло до неузнаваемости, другие выглядели без наносного гораздо лучше, но в целом – эффект глубокой осени после буйного лета. Голо, пустынно.

А все-таки правильно, что мозг наш не осознает наличия метастаз. Нет, не так. Он не отдает отчета в этом: осознает или нет – мы не знаем.

Откуда у меня такие мысли? Я же простая старая больная тетка – и всё. И всё.

Эпизод восьмой

Новый год. Елки. «Щелкунчик» в Большом. Дикая цена. Ужасная публика. Четвертый состав. Так ей казалось.

Подружка Нонна уговорила поехать в Новгород. Она зачем-то согласилась. Притащила еще кого-то. В общем, огромной компанией потащились.

Стоял мороз. Было весело. Бодро. Позвонил ее фитнес-тренер, которому ей удалось навязать смотреть за кошками. Отчитался, что все хорошо, спросил, не надо ли чего к ее приезду сделать.

– Да хоть кошек сохрани в целости, будет здорово. Приеду – накормлю тебя чем-нибудь новгородским. Посмотрю тут рецепты.

– Ладно, пока, – он отключился.

Вот странный тип. Чего ему от меня надо кроме нещадной эксплуатации с моей стороны?

Ей было хорошо.

Эпизод девятый

Доктор Нахабцев смотрел на нее ошарашенно на очередном приеме.

– Стойкая ремиссия, моя дорогая. Редко, но случается. Развитие остановилось. Нет репликации. Все хорошо. Встречаемся через шесть месяцев, не раньше, я надеюсь.

– Вы уверены, что можно так надолго меня отпускать?

– Да, вполне, если что – вы почувствуете.

«Да уж, – подумала Волынцева, – Говорят ведь, что не чувствуем. Да и пошло оно всё».

Она танцевала. Танцевала во сне. Все было, как всегда. Она не сдавалась. Жила обычно. Безумно.